—8—
Ч11 5/325

Д 5639 ж
Вокт 1915 г
Ч 11 5/325
412684
БИБЛІОТЕКА ИМПЕР. РОСС. ИСТОР. МУЗЕЯ

8.

МОСКОВСКІЕ ВЫСШІЕ ЖЕНСКІЕ КУРСЫ.

Семинарій по древнерусской литературѣ.

Повѣсти о гордомъ царѣ.

1. Повѣсть о царѣ Аггеѣ.

(По ркп. ИПБ. XVII, Q, 79, XVII в., л. 460—2 и Погод. 1773, по изд. А. Н. Веселовскаго—Разыск. въ обл. дух. стиха, III—V, стр. 147. Разночтенія изъ рук. XVIII в. Ист. Музея 2384).

Повѣсть преславна и душеполезна зѣло о царѣ Аггеѣ, како пострада гордости ради.

Бысть во градѣ Ѳилумени царь имянемъ Аггей славенъ зѣло. И стоящу ему в церкви во время божественнаго пѣнія, чтущу іерею святое евангеліе, егда доиде до строки, в нейже написано: „Богатіи обнищаютъ, а нищіе обогатѣютъ“, слышавъ же сія царь рекъ со яростію: „Ложь есть сіе писано въ евангеліи, понеже азъ есмь царь, славенъ есмь на земли и богатъ зѣло, како мнѣ обнищати, а нищему обогатѣти противъ меня?“ Егда же отслужи іерей божественную литургію, и повелѣ его царь всадити в темницу, а листъ той изъ евангелія выдрати повелѣ, и отъиде в домъ свой, начатъ пити и ясти и веселитися. Видѣвъ же нѣцыи юноши еленя в концы поля и пришедши сказаша царю. Царь же поятъ с собою юноши, и погнаша еленя хотя его уловити. Бѣ же елень той видѣніемъ красенъ зѣло и томенъ. Царь же рече отрокомъ своимъ [1]): „Стойте вы здѣ, азъ же единъ уловлю еленя“. И погна его вслѣдъ. Елень же побѣжа за рѣку [2]), царь же привяза коня своего и совлече с себя одежду свою и поплы за рѣку. Преплы рѣку, и абіе елень не видимъ бысть. Ангелъ же господень всѣдъ на коня его и явися во образъ Аггея и пріѣхавъ сказа юношамъ, что утече елень [3]). Царь же Аггей возвратися въспять и преплы рѣку и абіе не виде ни коня ни платья своего, и ставъ нагъ за-

---

[1]) И во время некіи его ближнеи юноша гулялъ в полце и, видя еленя грядуща прекрасенъ, и повѣда о томъ еленѣ царю Агею, зѣло радоженъ бысть. И скоро повеле царь в трубы трубити и собра юношевъ своихъ и повелѣ коней седлати, и поехалъ в поле за еленемъ. Елень же въ поле по земле валяится, и зело прекрасенъ. И сказа юношѣ своемъ.

[2]) прибеже к реке и поплылъ за реку.

[3]) понеже ангелъ господень во образи того еленя явися и приди къ юношемъ царевымъ, явися во образе царя Агея и сказа, что елень утече и сяде на коня и поехавши съ юношами своими во градъ Финуменъ.

думався, и поиде ко граду Θилумени и видѣ пастуха [4]) волы пасуща и вопроси его: „Пастуше брате, гдѣ еси видѣлъ коня моего и платіе?“ Пастухъ же вопроси его:—Кто еси ты?—Онъ же рече: „Азъ есмь царь вашъ Агей“. Пастухъ же рече ему:—Окаянне, како смѣеши царемъ нашимъ нарещися, понеже азъ нынѣ видѣхъ царя Аггея, нынѣ проѣхалъ во градъ съ юношами своими?—И нача его бити кнутомъ и трубою [5]). Царь же нача плакати и поиде во градъ нагъ. И срѣтоша его торговые люди града того и вопросиша его:—Человѣче, почто еси нагъ, и гдѣ твоя одежда? — Онъ же рече, не смѣя нарещися, и сказа имъ: „Одежду мою разбойницы похитиша“. Они же даша ему худую одежду. Онъ же вземъ и поиде ко граду и въпросися к нѣкоей женѣ ночевать и нача ея роспрашивать: „Кто есть у васъ нынѣ царь?“ Она же рече:—Али еси не нашія земли человѣкъ?—И сказа ему:—Царь есть у насъ Аггей.—Онъ же вопроси: „Колико лѣтъ царствуетъ?“ Она же сказа ему:—35 лѣтъ.—Онъ же написа писаніе своею рукою къ царицѣ своей, что у него было с нею тайная мысль, и повелѣ нѣкоей женѣ понести царицѣ. Царица же взятъ грамотку и повеле чести предъ собою. Онъ же написася мужемъ ея царемъ Аггеемъ. И нападе на нее страхъ великъ и по страсѣ томъ начатъ глаголати:—Како сій меня убогій человѣкъ нарицаетъ себѣ женою? аще увѣдаетъ царь то, велитъ меня казнити.—И повеле его бити кнутомъ нещадно безъ царьскаго вѣдома. Биша его безъ милости и отпустиша его едва жива суща [6]). Онъ же поиде изъ града, плача и рыдая и воспоминая евангельское слово, что богатіи обнищаютъ, а нищіи обогатѣютъ, и каяся, како похули святое евангеліе и како всади в темницу іерея, и поиде незнаемымъ путемъ. Царица же рече царю, явившемуся во образѣ царя Аггея:—Что ты со мною другой годъ не пребываешь? [7])—Царь же рече: „Обѣщаніе ми есть на три лѣта с тобою не сходитися“. И отъиде отъ нея въ царьскіе полаты. Аггей же царь пріиде въ незнаемый градъ и нанялся у крестьянина работати на лѣто, и ничего работати на умѣетъ. Крестьянинъ же ему отказалъ; онъ же начатъ плакати и поиде путемъ отъ града того, и срѣтоша его на пути томъ нищіе. Онъ же рече имъ: „Поимите меня с собою, понеже человѣкъ убогъ есмь, работати не умѣю и просити стыжуся. Что мнѣ велите, и я у васъ учну тружатися“.

---

[4]) видя пастуховъ (*и дальше все во множ. ч.*)

[5]) и трубою—*нѣтъ*.

[6]) и отпустити его на волю (*оп.* безъ ц. в....суща).

[7]) *доб.* како прежде было.

Они же поимъ его с собою и даша ему суму носить. Егда же пріидоша к ночлегу ночевать, и повелѣша ему баню топить и воду носити и постелю слати. Онъ же восплакався горко и жалостно зѣло и начатъ глаголати: „Увы мнѣ окаянному, что сіе сотворихъ? Бога прогнѣвахъ, самъ же царьства лишихся и царицы остахся, погибель себѣ сотворихъ; и все пострадахъ за слово Божіе [8]); истинное то, а не ложно есть божественное писаніе“.

Заутра же возсташа нищіе и поидоша ко граду Θилуменю; егда же до града доидоша, и пришедъ на царьской дворъ нищіе и начаша милостыни просить. Бѣ же в то время у царя пиръ великъ, и повелѣ вести нищихъ в гостинницу кормити довольно [9]), а мѣхоношю взяти к себѣ въ царьскіе полаты. И учивъ его много и наказавъ еже не хулити Слово Божіе, іерейскій чинъ чтити и кротку быти до всякаго человѣка и милостиву и тиху, и даде ему скипетръ в руцѣ его царьскій и царьствіе дарова ему по прежнему, царицѣ не же повелѣ ничего повѣдати, миръ давъ ему, и абіе невидимъ бысть. Онъ же пріимъ скипетръ отъ руки ангеловы и царьство порученное ему начатъ царьствовати по прежнему и зѣло милостивъ бысть ко всякому человѣку и благоугодно поживше, хваля Бога вседержителя, емуже слава всегда и нынѣ и во вѣки вѣковъ, аминь.

2. Повѣсть о цесарѣ Іовиніанѣ.

(Изъ „Римскихъ Дѣяній“ по изд. Общ. Люб. Древн. Письм., СПБ. 1878, в. I).

Прикладъ, сійречь притча, о гордомъ цесарѣ Евиняне и его ниспаденіи, и какъ Господь Богъ многожды гордымъ противитца, а смиренныхъ возноситъ и даетъ благодать.

Евинянъ цесарь зѣло можный въ Римѣ царствовалъ, и в нѣкоторое время на ложе лежачи чрезъ великую можность свою поднелося сердце его в великую гордость, и почалъ мыслить, самъ въ себѣ глаголя: „Нѣсть Богъ иный сильнѣйшій и можнѣйшій паче мене“. А какъ онъ такъ мыслилъ, уснулъ и, рано вставши, паномъ своимъ и дворяномъ и повелѣлъ, чтоб готовы были всѣ с нимъ ехать на ловлю. Тогда дворяна его изготовилися, того же дни ехали с нимъ. А какъ были на дороге, и тогда цесарь отъ солнечного зною такъ разгорѣся, что умереть хотѣлъ, толко бы не искупался въ водѣ въ зимной. Тогда цесарь

---

[8]) за слово евангельская.

[9]) *доб.* и на дорогу дати.

узрѣ издалече великую воду, реклъ своимъ рыцаремъ: „Остантеся вы тутъ и подождите мя, дондеже азъ шедъ искупаюся“, и отъехалъ отъ нихъ и, пришедъ до оной воды и разодѣвся нача купатися. А какъ онъ купался, тогда пріиде нѣкій человѣкъ, въ словѣ и въ похотке и во всемъ образомъ подобенъ цесарю, и облечеся во все царьское одѣяніе и, всѣдши на его коня, ехалъ къ рыцаремъ. Видѣвше дворяне образъ цесаревъ, мнѣли быть цесарю своему и пріяша его съ честію, а цесаря нага оставиша. И по ономъ словѣ ехалъ онъ цесарь на полацъ с своими рыцарми. Потомъ искупавшеся Евинянъ цесарь вышедъ из воды, не узрѣ ни платья ни коня и не обрѣтше и дивишася велми, что никого не видалъ, смутися, что, будучи цесаремъ, а сталъ нагъ, и почалъ мыслити, самъ в себѣ рече: „Что имамъ сотворити, что такъ нужно и ганебне отъ своихъ оставленъ. Але южь вѣмъ, что чинить: есть оттуду не далеко единъ рыцарь, котораго азъ рыцаремъ поставилъ; поиду до него и одѣнія и коня у него возму, и тако поеду на полацъ мой, и за ту легкость и посмѣяніе месть слушную над ними учиню“. Тогда Евинянъ цесарь пошолъ нагъ до замку онаго рыцаря и, пришедши до вратъ, стоячи колотался, чтобы ему отворили. И вопросиша его воротникъ рече: Кто еси ты и чего хощеши? Отповѣдалъ ему Евинянъ глаголя: „Отвори только врата. А кто есмь азъ, самъ еси узришъ“. И отворивши воротникъ врата узрѣлъ его нага, дивовался и рече ему: Кто еси ты? повѣждь ми. Отповѣдалъ ему Евинянъ рече: „Азъ есмь Евинянъ цесарь. Иди къ своему пану и рцы ему, чтобы мнѣ далъ одѣяніе и коня, азъ бо коня и одѣяніе стратилъ, какъ есми купался, а дворяна мои тогда отъ мене отъехали“. Рече ему воротникъ: Нужный и скаредный хлопе, что ты такъ речешъ, неправду еси изрекъ: цесарь Евинянъ давно пріехалъ со своими дворяны на полацъ, а панъ мой, проводилъ его до замка и возвратился къ дому своему и теперь обѣдаетъ. А что еси ты назвался цесаремъ, и то твое неправое сказаніе повѣдаю пану своему. И пришедъ воротникъ до пана своего повѣдалъ ему всѣ рѣчи Евиняновы. Услышалъ то панъ, повелѣ его поставить пред себя; и какъ пришолъ Евинянъ, и узрѣвши его рыцарь не позналъ его, что онъ былъ цесарь, а онъ его добрѣ зналъ. Ево просилъ: Кто еси ты, и какъ имя твое? Отповѣдалъ ему: „Азъ есмь Евинянъ, и тебя азъ учинилъ рыцаремъ“, и в то время повѣдалъ ему имянно, какъ то учинилъ. Реклъ ему рыцарь: Нужный хлопе, какою упорностію смѣлъ еси назватися цесаремъ, ибо цесарь панъ мой давно уже на полацѣ своемъ, а язъ, проводя его, возвратился. А коли уже ты смѣлъ еси назватися цесаремъ, без помсты не будешъ. И повелѣ его

бити немилостивно и потомъ за врата извергнути. Тогда Евинянъ вставъ горко плакалъ, глаголюще: „Боже всемогущій, что то есть тако сотвори, яко мой рыцарь не позна мя, еще же и бити мя повелѣ?“ И нача мыслити самъ въ себѣ и рече: „Есть отсюду не далече нѣкоторый князь, панъ мой думной; и азъ пойду къ нему и повѣмъ ему причину мою, чтобы мнѣ далъ одѣяніе и проводилъ мя на полацъ мой“. Тогда пришедъ до замку оного князя, нача колотитися у вратъ, чтобы ему отворили. Услышав же то воротникъ отворилъ ворота и, узрѣвше нага человѣка, дивился и нача вопрошати рече: Кто еси ты и для чего пришелъ здѣ, будучи нагимъ? Отповѣдалъ ему Евинянъ: „Азъ есмь цесарь, а с пригоды стратилъ есми одѣяніе и коня, и сего ради пришолъ есми ко князю, чтобы мнѣ помоглъ в той моей пригодѣ велицѣй—дати одѣяніе и коня“. Услышавъ ту рѣчь, воротникъ дивовался тому и, вшедши на полацъ до пана, повѣдалъ ему ту рѣчь. Князь же рече воротнику: Въведи его здѣ. А какъ ево ввелъ, никто его не позналъ; тогда князь нача вопрошати его: Кто еси ты? Отповѣдалъ ему: „Азъ есмь Евинянъ цесарь, которой тебя учинилъ великимъ паномъ и княземъ моимъ ряднымъ“. И рече ему князь: Шаленый и нужный хлопе вшаке я недавно (съ) своимъ паномъ цесаремъ ездилъ и на полацъ паки возвратился. А что еси честь цесарску предо мною смѣлъ еси на себя возложити, не будешъ без наказанія. И велѣлъ его всадити в темницу и кусъ хлѣба и воды дати, и потомъ повелѣлъ ис темницы вывести и велми бить и, бивши его, з двора свергнуть. И смиловался нѣкоторой слуга над нимъ, далъ ему платьишко, чемъ пріодѣтися. Тогда Евинянъ убитъ, сверженъ з двора, почалъ велми плакать, рече: „Бѣда мнѣ нужному человѣку! Что имамъ сотворити, что сталъ есми всемъ людемъ в посмѣхъ и въ поруганіе?“ И мыслилъ самъ въ себѣ глаголя: „Пойду азъ еще на свой полацъ: или мене познаютъ мои люди, и наипаче познаетъ мя моя цесарева, чрез нѣкоторые знамены“. Тогда Евинянъ вставъ в том худомъ платьишке шелъ на замокъ и пришедъ нача колотити во врата, чтоб его пустили. И воротникъ, услышавъ колотанье, отворилъ врата и, увидѣвши его, вопросилъ: Кто еси ты? Отповѣдалъ ему Евинянъ: „Дивлюся азъ, что не знаешъ мене, много лѣтъ служа цесарю мнѣ“. Реклъ ему воротникъ: Что глаголеши ложно? азъ служу цесарю, а не тебѣ! Реклъ ему: „Азъ есмь цесарь Евинянъ. А не вѣришъ ли, прошу тя, иди до цесаревой и повѣждь ей знамена, которыя я тебѣ повѣмъ; а тѣхъ признакъ жаденъ не вѣдаетъ, развѣ она, и она тому вѣрить будетъ; и рцы ей, чтобъ мнѣ с тобою прислала одѣяніе, зане с пригоды все по-

губилъ". Реклъ ему воротникъ: По всему знать, что ты шаленой. Цесарь и цесарева теперь сѣдятъ и за столомъ, а ты назвался быть цесаремъ. Пойду я къ цесаревой и скажю ей твою речъ. Але извѣстно вѣмъ, что (ей) ты будеши битъ доволно. И слышавъ воротникъ знамена отъ Евиняна, пришолъ къ цесаревой и сказалъ ей все, что слышалъ отъ него. Услышавши то, цесарева смутилась и, обратившися къ пану своему, рекла: Пане мой милый, слушай дивныхъ речей: знамена особливые, которые межу нами были; человѣкъ нѣкоторый, пред враты стоя, того то воротника прислалъ ко мнѣ, а называется цесаремъ быть и паномъ моимъ, и жадаетъ платья отъ мене. И какъ то онъ цесарь услышавъ, велѣлъ воротнику, чтобъ его привелъ пред лице всѣхъ. Тогда Евинянъ гонебне на полацъ пред лице всѣхъ былъ приведенъ, тогда нѣкоторый песъ, егожъ зѣло любилъ, и у него завсегда в обѣдъ лежалъ у стола, тогда песъ кинулся на него и хотѣлъ укусить и, когда бы слуги его не оборонили, уморилъ бы его и того дѣля не укусилъ его; да тамо жъ былъ соколъ, сидѣлъ на жерди, и той соколъ, увидѣвше его, метался на него и укравшися вылѣтелъ вонъ из двора. Видячи тогда онъ цесарь Евиняна пред собою стояща, реклъ ко всѣмъ, которые были на полацу:—Слухайте отповѣди того хлопа.—И начаша его вопрошати глаголя: Повѣждь ми, кто еси ты и чего дѣля пришелъ еси здѣ? Отповѣдалъ ему Евинянъ: „Пане милый, отповѣдь моя да не будетъ в диво, зане истинна есть: азъ есмь Евинянъ цесарь". Тогда цесарь вопроша всѣхъ сѣдящихъ при столѣ и около стоящихъ, глаголя имъ: Повѣждьте ми, который из дву насъ есть цесарь и панъ вашъ? Отповѣдали ему панове: Милостивый пане, чрезъ ту присягу, которуй тебѣ учинили, исповѣдаемъ тебя быть цесаремъ и государемъ нашимъ, котораго мы отъ малыхъ лѣтъ знаемъ, а сего хлопа, какъ мы и живы, не видали и не знаемъ. И сего дѣля всѣ единымъ гласомъ просимъ, чтобъ тот хлопъ былъ скаранъ, чтоб иные, на него смотря, корались и таковой дерзости не имѣли бъ. Тогда цесарь, обратившися къ цесаревой, и рече ей: Панна моя милая, чрез вѣрность, которую мнѣ повинна, повѣждь ми, знаешъ ли человѣка сего, которой назвался быти цесаремъ и государемъ твоимъ? Отповѣдала ему цесарева: Пане мой, а цо ж менѣ пытаешъ? Или не болши тритцати лѣтъ живу с тобою, и дѣти имамы; развѣ дивлюся тому, что тотъ человѣкъ вѣсть наши тайны, которые межъ нами были. По томъ рекъ цесарь Евинянови: А коли уже такъ пред всѣми нами дерзнулъ еси цесаремъ назватися, сего дѣля повелѣваю, чтобъ днесь увязавше х коневію хвосту за конемъ волочити; и будетъ вѣпредь такъ смѣеш цесаремъ назы-

ватися, тогда гонебной смерти (не) увидишъ. И возвавше слугъ, предалъ его доволно побити. Тогда слуги его, взявше Евиняна, уволочили его и, бивше его до полусмерти, за градъ выкинули. О томъ Евинянъ нача кручиновать велми, распочаянцъ о цесарствѣ: „Нещастливый той день былъ, въ который азъ зачался. Бѣда мнѣ нужному человѣку, понеже до таковой нужды и гоньбы прешелъ Вси друзи мои отступилися отъ мене, жена же моя и дѣти мои не познаша мене. О чтобъ я быхъ на свѣтъ сей не родился!“ И коли онъ такъ нарекаючись плакалъ, тогда вспомнилъ, что тамъ еще не далеко же жилъ пустынникъ, его исповѣдникъ. И нача помышляти въ себѣ глаголя: „Поиду азъ еще къ тому пустыннику: или онъ мене познаетъ, зане много кратъ исповѣдь мою слыхалъ“. И шелъ ко оному пустыннику и пришедше нача колотитися в оконце келлїи. Пустынникъ колотаніе услышалъ, вопрошалъ его глаголя: Кто есть? Отповѣдалъ Евинянъ: „И отвори оконце, чтобъ с тобою глаголалъ. Азъ есмь цесарь Евинянъ“. И услышавше гласъ его пустынникъ отворилъ оконце; а какъ его узрѣлъ, и не позналъ его и с прытости крѣпко закры оконце и рече: Отъиди прочь, проклятый духъ злый, неси бо ты цесарь, но есть злый духъ во образѣ человѣчи. Услышавше то Евинянъ отъ великія жалости палъ на землю и рвалъ власы на главѣ своей и глаголя: „О Боже всемогущій! чесо ради на мене таково великое унїженіе и ото всѣхъ человѣкъ поношеніе допустити изволилъ, зане уже ктому не вѣмъ, что сотворити имамъ?“ И, рекши то, вспомнилъ, когда на постеле лѣжалъ, взнеслося было сердце его в пыху, глаголя, яко нѣсть иного бога крѣпчай паче мене, и въспомнилъ то слово, абіе нача паки колотити во оконце пустынника онаго глаголя: „Мужу божій, прошу тя чрезъ любовъ Оного, Которой висѣлъ за насъ за грѣшныхъ на крестѣ, послушай исповѣди моей, хотя не открываючи оконца“. Реклъ ему пустынникъ: Выслушаю, повѣждь ми. Тогда Евинянъ с великимъ плачемъ и сокрушеннымъ сердцемъ нача исповѣдати всѣхъ своихъ грѣховъ, паче же онаго грѣха, что было вознеслься гордостїю своею противно Господу Богу, рекучи, что нѣсть бога иного паче мене. И какъ Евинянъ исповѣдался и покаяніе принесъ, тогда пустынникъ, отворивше оконце, и абіе позналъ его и рече ему: Свидѣтель ми есть Богъ, что азъ тебе не познахъ, а теперь познахъ. Уже имамъ ти одѣяніе толко худо; возми себе, которое полутче, и оболкійся иди на полацъ: имамъ надежду, что уже вси познаютъ тя. Тогда Евинянъ цесарь, облекшися въ его одѣяніе, и шелъ на замокъ и стоячи у вратъ колотился, чтобы ему отворили. И услышавше

воротникъ отворилъ ворота и с великою честію пріялъ его. И рекъ Евинянъ воротнику: „Ужели знаеши ли мя?“ Отповѣдалъ воротникъ: Пане мой милый, какъ не знати мнѣ тебя, государя своего? Азъ дивлюся тому, что стоялъ есмь весь день у воротъ сихъ и никуды не отходилъ, и не видалъ, какъ твоя милость вышелъ з двора. И какъ вшелъ Евинянъ въ замокъ, вси, которые видѣли его, кланялись ему. А другой цесарь съ его цесаревою былъ въ полацу, и вшедше нѣкоторой рыцарь с полацу отъ цесаря и смотрилъ на него прилѣжно и потомъ вшелъ на полацъ и рече: Милостивый цесарю, есть пред полацемъ нѣкоторый человѣкъ, ему вси покланяются и честь воздаютъ, которой во всемъ подобенъ есть твоей милости, такъ что во истинну не разознати, которой бы изъ васъ былъ цесаремъ. Услышавши то цесарь реклъ цесаревой: Изыди ис полацу и осмотри, знаешъ ли ты человѣка того? И вышла цесарева пред полацъ и, видѣвъ Евиняна, дивовалася велми и паки на полацъ възошла къ цесарю и рече: Пане мой милостивый, и за правду повѣдаю ти, что не вѣмъ, которой из васъ есть цесаремъ государемъ моимъ. Реклъ к ней цесарь: А коли уже такъ есть, пойду я самъ и правду познаю. И вышелъ тогда цесарь ис полацу и, увидѣвши Евиняна, поялъ его с собою за руку и велѣлъ ему подлѣ себя стати и возва всѣхъ рыцеревъ и пановъ, которые были с цесаремъ, и вопроша ихъ глаголя: Чрез присягу, которую есте мене чинили, повѣждьте, которой из дву нас есть цесаремъ? Отповѣдала прежъ цесарева глаголя: Пане милый, мнѣ въ томъ отвѣчать прежде полобаетъ; але свидѣтель ми есть Богъ, что во истинну не вѣмъ, которой из васъ есть панъ мой. Такожде и вси рекоша. И по томъ реклъ имъ цесарь: „Слушайте мене вси: сей человѣкъ тотъ цесарь и государь вашъ и въ нѣкоторое время вознеслься былъ в гордость противно Господу Богу, для которого грѣха Богъ его скаралъ и за то прегрѣшеніе отнялъ отъ него знаемость человѣчу столь долго, дондеже за тотъ грѣхъ принесъ покаяніе Господу Богу. А я есмь ангелъ божій и хранитель души его, иже до сего времени соблюдахъ цесарство его, дондеже онъ въ покаяніи пребылъ. А коли уже покаяніе за грѣхи своя въспомнилъ, сего ради бысте ему отселѣ паки поддани были яко пану своему. А по томъ васъ Господу Богу предаю“. И рекши то невидимъ бысть отъ очію ихъ. Тогда Евинянъ цесарь, будучи паки привращенъ на престолъ свой, благодарилъ Господу Богу и ходилъ во всѣхъ заповѣдехъ Господнихъ, попеченіе имѣлъ о добрыхъ дѣлехъ хвалелныхъ и соверши послѣдній день свой въ покою.

Выкладъ тое повѣсти, сирѣчь толкованіе. Намилейшая братія. Цесарь тотъ можетъ нарещися всякъ человѣкъ, сему свѣту поданной, которой для богатествъ и для чести въ гордости возносится въ сердцы своемъ, якобы другій Науходоносоръ царь, которой не былъ послушный приказанію божію. Таковый рыцарей ужива, то есть смысловъ, а едетъ на ловъ,—сій речь на суеты свѣта сего, потомъ горячесть великую—сій рѣчь искушеніе діавольское изойметъ его, что не можетъ быть въ покою, есть ли и се будетъ охоложонъ в водахъ сего свѣта; а то прохлажденіе есть обьумореніе души. Итакъ: рыцари, то есть смыслы, оставятъ человѣка без стража, покамѣстъ хочетъ мытися въ водахъ сего свѣта; а таковый сѣсѣдаетъ с коня,—то есть блудитъ отъ вѣры, ибо на крещеніи обѣщался вѣровати въ Бога и гордости діавольстѣй отрекъся, але покамѣстъ куплется в водахъ сего свѣта, вѣру погубляетъ, а то есть ссѣданіе с коня; потомъ снимаетъ одѣяніе съ себя, то есть добродѣтели отлагаетъ отъ себя, которые пріялъ на крещеніи, и тако нагъ нужно лежитъ въ суетахъ мирскихъ. Потомъ другой человѣкъ то есть пралатъ, которой имать соблюдати вѣры доброту, пріемлетъ одежду его, ибо пралатови дана есть власть связывать грѣшнаго человѣка, елижды грѣшный человѣкъ чистымъ сердцемъ обращается къ Богу. Евинянъ то есть грѣшный человѣкъ, егда отъ воды сего свѣта выходитъ през ласку Божію, тогда не обрѣтаетъ ризъ своихъ, то есть ни единые добродѣтели, зане все погубилъ во грѣсѣхъ и о томъ будетъ пещися, но и паки, чтобъ досталось одѣяніе, то есть добродѣтели. Имать итти первое къ дому рыцаря: тотъ есть рыцарь—разумъ, который тебя будетъ карать и бить, зане разумъ приводитъ, что согрѣшилъ еси противъ Бога; тогда имаши ся полепшить и покутовать, и того дѣля не можешъ себе назвать цесаремъ, сиречь, вѣрнымъ христіаномъ, яко дѣла христіанскія погубилъ еси, грѣхомъ. Потомъ итти имаши до замку княжему, то есть до власного сумненія, которое противъ тебя тяжко шамруетъ, дондеже з Господемъ Богомъ помиришися добрыми дѣлы; и предает тя в темницу, то есть въ трудность и во тѣчливость великую, чрез которую дорогу будешъ милъ Господу Богу, можешъ и раны пріять отъ него, сирѣчь сокрушеніе, сердечное, презъ которую кровь, то есть грѣхъ, выловешъ. Потомъ имаши колотить до полацу сердца своего, то есть с прилежаніемъ велми помышляти, како согрѣшилъ противъ Господа Бога. Потомъ воротникъ, то есть воля твоя, которая есть волна, имать отворити двери сердца твоего и имать привести тя къ первой невинности, которую пріялъ еси на святомъ крещеніи. Песъ, которой мечется,

чтобъ тебя укусилъ, то есть тѣло твое власное, имъже многожды человѣкъ убиваемъ бываетъ, аще бы не Господь Богъ обранилъ. Соколъ, которой урвавшися съ жерли и прочь улетѣлъ, то есть крѣпость Божія не будетъ пребывати с тобою, дондеже лежать будешъ во гресѣхъ; тогда ни жена, ни душа, будетъ знать твоего спасенія, сего дѣля будешъ влачимъ у хвоста конскаго привязанъ, то есть за то, что еси сотворилъ еси, имаши жалѣти и сокрушеніе имѣти; а какъ такъ сотворишъ, пойдешъ къ пустыннику, которой сидитъ въ каморе, то есть церкви святой, и исповѣдаешися всѣхъ грѣховъ своихъ, ихъже сотворилъ еси противно Господу Богу, а през закрытое оконце, то есть не для человѣчьи хвалы, але к твоему утѣшенію, абіе Богъ и вси ангели познают тя. Потомъ облекшись во одежду, то есть в добрые дѣла, и пойдешъ до полацу сердца своего, и всѣ рыцари, то есть смыслъ, и жена твоя, то есть душа твоя, познаютъ тя, зане будеши паки истиннымъ цесаремъ, то есть вѣрнымъ христіаниномъ, царствовати въ црьствіи небесномъ. Конецъ повѣсти сея и толкованію ея о Евинянѣ.

(Текстъ освобожденъ отъ глоссъ и исправленъ по списку И. Е. Забѣлина (нынѣ Ист. Музея въ Москвѣ), № 8 XVII в., л. 4 об. и сл.).

Сергіевъ посадъ. Типографія И. Иванова.